

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА, ВЫНЕСЕННЫЕ ПРОТИВ ТРЕТЬИХ СТРАН, В СИСТЕМЕ ВОЗМОЖНЫХ ИСТОЧНИКОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ

A. Simagin

JUDGMENTS OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS PASSED AGAINST THIRD PARTIES IN THE SYSTEM OF PROBABLE SOURCES OF CRIMINAL PROCEDURE LAW OF RUSSIA

In this article the questions of applying of decisions of the European Court of Human Rights given not against the Russian Federation are considered basing on the analysis of acts of the Constitutional Court of Russia and the Supreme

Court of Russia. Moreover, the problems connected to the point of binding force of legal positions of the European Court of Human Rights for the national bodies and officials caring out criminal procedure are covered.

На сегодняшний день, отчасти, остается нерешенным вопрос: подлежат ли применению и обладают признаком обязательности при осуществлении уголовного судопроизводства постановления и решения ЕСПЧ (здесь и далее ЕСПЧ Европейский Суд по правам человека), вынесенные в отношении других участников правоотношений, где стороной в процессе Российская Федерация не значится. Системный анализ нормативно-правовых актов РФ и актов Совета Европы не дает четкого ответа на поставленный выше вопрос. Поэтому решение проблемы, прежде всего, видится в изучении правоприменительной практики российских судов, отражающей практическое понимание (юридической силы) судебных постановлений ЕСПЧ в системе источников уголовно-процессуального права России.

В частности, Конституционный Суд РФ, обосновывая принцип правовой определенности и соразмерности при применении меры пресечения в виде заключения под стражу (прямо) ссылается на правовые позиции ЕСПЧ, содержащиеся: в §§54-57 решения от 28 марта 2000 г. по делу «Барановский против Польши», §§62, 63 решения от 30 июля 2000 г. по делу «Йечиус против Литвы»¹. Другие решения Конституционного Суда РФ также свидетельствуют о том, что судебные постановления ЕСПЧ, вынесенные в отношении третьих стран (Франции, Соединенного Королевства Великобритании, Швейцарии), служат правовым основанием формирования правовой позиции уголовно-процессуального характера при осуществлении конституционного судопроизводства².

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 г. №4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений УПК РФ, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлении уголовного дела в суд, в связи с жалобами граждан» // СЗ. 2005. № 14. Ст. 1271.

² См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 г. №11-П «По делу о проверке конституционности положений ч.1 ст.47 и ч.2 ст.51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И.Маслова» // ВКС РФ. 2000. № 5; Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2002 г. №164-О «По жалобам граждан Москалева И.А., Соловьева В.В. и Стоякина В.В. на нарушение их конституционных прав ч. 7 ст. 239.1 УПК РСФСР» // ВКС РФ. 2003. № 1; Определение Конституционного Суда РФ от 30.09.2004 г. №300-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Абубарирова Х.Ш. на нарушение его конституционных прав чч.2 и 3 ст.255 УПК РСФСР» // ВКС РФ. 2005. № 1.

Принципиально важным с позиций уяснения места и роли прецедентного права ЕСПЧ представляется также Определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2005 г. №166-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Котовой С.Е. на нарушение ее конституционных прав п. 10 ст. 5 УПК РФ»³. В этом Определении высший орган конституционного контроля, отказывая в рассмотрении жалобы (по существу) как не относящейся к компетенции Конституционного Суда РФ, сформулировал универсальную правовую позицию, состоящую в следующем: проверка законности и обоснованности правоприменительных решений связана с установлением фактических обстоятельств, должна осуществляться судом общей юрисдикции с учетом практики Европейского суда по правам человека.

Буквальное толкование указанного акта не ограничивает суды общей юрисдикции в праве при осуществлении правосудия учитывать прецедентное право ЕСПЧ в целом, не разделяя пределы его действия на субъектов, выступающих в качестве обязанных в споре сторон, и третьих стран.

Полагаем, названная правовая позиция Конституционного Суда РФ должна быть воспринята правоприменительной практикой как императивная норма позитивного поведения. Такой судебный контроль, понимаемый как многофункциональная уголовно-процессуальная деятельность суда, призванная обеспечивать защиту конституционных прав и свобод личности в досудебном и судебном производстве, будет способствовать осуществлению уголовного судопроизводства в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами.

В том же (общеобязательном) контексте, полагаем, даны разъяснения о пределах действия прецедентов ЕСПЧ и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ №5 от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»⁴. Обзор (текущей) судебной практики также свидетельствует об имплементации прецедентного права Европейского Суда в отечественное правоприменение.

В этой связи, примечательно то обстоятельство, что основой формирования итоговых

выводов Верховного Суда РФ по конкретным уголовным делам послужили не только положения Европейской конвенции, но и правовые позиции Европейского Суда по правам человека, изложенные в мотивировочной части судебных постановлений по жалобам граждан против третьих стран.

Так, Президиум Верховного Суда РФ, осуществляя проверку законности и обоснованности приговора Челябинского областного суда от 2 апреля 2001 г. по надзорной жалобе (в связи с рассмотрением дела незаконным составом суда) осужденного гр. Ш., указал, что по смыслу уголовно-процессуального закона во взаимосвязи с решениями Европейского Суда по правам человека (дело №31657/96, *Buscarini v. San Marino*, 04 мая 2000 г.; жалоба №63486/00, *Посохов против России*, 04 марта 2003 г.), обязательными для Российской Федерации в связи с признанием юрисдикции Европейского Суда по вопросам применения и толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод, термины «законный состав суда» и «суд, созданный на основании закона», относятся и к регламентации самого существования суда в силу закона, и к законности состава суда, рассматривающего конкретное судебное дело.

Вместе с тем, приняв во внимание отсутствие правовых оснований считать состав суда, сформированным в нарушение ч.2 ст.9 Федерального закона от 2 января 2000 г. «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»⁵, Закона «О судостроительстве РСФСР» от 8 июля 1981 г.⁶, Указа Президента РФ от 25 января 2000 г. №103 «О продлении срока полномочий народных заседателей федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»⁷, признал доводы надзорной жалобы несостоятельными⁸.

Указанное обстоятельство служит (еще одним), весомым аргументом в подтверждение авторского мнения об обязательности постановлений Европейского Суда по правам человека, вынесенных против третьих стран, для РФ (в том числе, органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство) по вопросам толкования и применения Европейской конвенции.

Подтверждением поддерживаемого нами тезиса об обязательности для Российской Феде-

³ Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. №6.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. №12.

⁵ Собрание законодательства РФ. 10 января 2000 г. №2. Ст.158.

⁶ Ведомости ВС РСФСР. 1981. №28. Ст. 976.

⁷ Собрание законодательства РФ. 31.01.2000 г. №5. Ст.473.

⁸ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 31.05.2006 г. №208-П06 // Документ официально опубликован не был. Найден в СПС «КонсультантПлюс».

рации правовых позиций ЕСПЧ, изложенных в постановлениях против третьих стран, служат и положения ст. 30 Конвенции, предписывающих, что если дело, находящееся на рассмотрении Палаты ЕСПЧ, затрагивает серьезный вопрос, касающийся толкования положений Конвенции или Протоколов к ней; или если решение вопроса может войти в противоречие с ранее вынесенным Судом постановлением, Палата (Chambers) может до вынесения своего постановления уступить юрисдикцию в пользу Большой Палаты (Grant Chamber), если ни одна из сторон не возражает против этого. При наступлении названных обстоятельств, Большая Палата в мотивировочной части (итогового) постановления указывает мотивы, побудившие изменить правовую позицию на новую. А само постановление Большой Палаты при этом приобретает статус прецедента.

Таким образом, в случае вынесения постановления ЕСПЧ в отношении других стран, вступающих в противоречие с предшествующими постановлениями, вынесенных в отношении РФ, касающихся вопросов толкования и применения (аналогичных) норм уголовно-процессуального законодательства, органы, осуществляющие (национальное) уголовное судопроизводство, должны реализовывать нормы права с учетом таких постановлений ЕСПЧ, даже в том случае, когда признаком обязательного исполнения названные прецеденты на территории Российской Федерации не обладают.

Оговоримся, в данном случае, речь идет скорее не об обязательности исполнения самих судебных постановлений ЕСПЧ против других стран национальными органами правоприменения. Несомненно, само постановление ЕСПЧ, принятое по конкретному делу в определенной стране, не может быть обязательным для другого (не участвующего в споре) государства. В то время как, правовая позиция, сформулированная Европейским Судом в результате конкретизации Конвенции (ее норм и положений), не может носить индивидуально-определенный характер⁹, ибо конвенциональные положения не могут интерпретироваться Судом применительно к каждому государству различно.

В этом ракурсе один из исследователей юридической природы актов ЕСПЧ, О.С. Чернышова, замечает, что Европейский Суд «как квазиконституционный судебный орган, решает не только конкретные тактические задачи по защите прав и свобод человека, но и стратегические задачи нового этапа интеграции и гармонизации системы права и законодательства различных европейских государств»¹⁰. Как указал ЕСПЧ по делу «Ирландия против Великобритании», решение Суда выносится не только для разрешения дела, находящегося на его рассмотрении, но и, в широком смысле, для прояснения, сохранения, развития норм Европейской конвенции, для того чтобы таким образом содействовать соблюдению государствами своих обязательств, которые они несут в качестве участников Конвенции¹¹.

Исследуя природу судебных постановлений Европейского Суда по правам человека, становится очевидным, что выработанная им ранее аргументация по отдельным вопросам, в том числе оптимального уголовно-процессуального регулирования, является основой для итоговых выводов при разрешении последующих (схожих) дел о нарушении положений Конвенции и Протоколов к ней.

В частности, выявляя оптимальные условия продления содержания обвиняемого (подсудимого) под стражей в соответствии с требованиями Конвенции по делам «Белевицкий против Российской Федерации»¹², «Щеглюк против Российской Федерации»¹³, «Корчуганова против Российской Федерации»¹⁴, «Мамедова против Российской Федерации»¹⁵, «Долгова против Российской Федерации»¹⁶ и др., Европейский Суд подчеркнул, что продление срока содержания под стражей не может предвосхищать наказание, связанное с ограничением свободы. В обоснование своего вывода ЕСПЧ сослался на правовые позиции, изложенные в Постановлении по делу «Летелье против Франции» (Letellier v. France) от 26 июня 1991 г., Series A, №207, §51; Постановлении по делу «Панченко против Российской Федерации» (Panchenko v. Russia) от 08 февраля 2005 г., жалоба №45100/98, §102; Постановлении по делу «Горал против Польши» (Goral v. Poland) от 30 октября 2003 г., жалоба №38654/97, §68; Поста-

⁹ В поддержку указанного вывода см.: Кучин М.В. Прецедентное право Европейского Суда по правам человека. Монография. Екатеринбург: Издательство УрГЮА, 2004. С. 39-41.

¹⁰ Чернышова О.С. Реализация конституционного права личности на судебную защиту в Европейском Суде по правам человека / Дисс. ... к.ю.н. М., 2005. С. 39.

¹¹ Ireland v. United Kingdom, judgment of 18 January 1978, Series A, № 25, § 154.

¹² См.: Бюллетень ЕСПЧ. Российское издание. 2007. №8. С. 47, 69-91.

¹³ См.: Бюллетень ЕСПЧ. Российское издание. 2007. №7. С. 79, 109-118.

¹⁴ См.: Бюллетень ЕСПЧ. Российское издание. 2006. №11. С. 73, 110-122.

¹⁵ См.: Бюллетень ЕСПЧ. Российское издание. 2006. №12. С. 53, 91-110.

¹⁶ См.: Бюллетень ЕСПЧ. Российское издание. 2006. №8. С. 5, 75-86.

новлении по делу «Илийков против Болгарии» (Ilijkov v. Bulgaria) от 26 июля 2001 г., жалоба №33977/96, §81. Подобная юридическая техника (юридических «отсылок») применяется Европейским Судом практически в каждом постановлении, принимаемом по конкретному делу.

Таким образом, в деятельности Суда проявляется особый процессуально-правовой феномен, называемый исследователями **правовая позиция Европейского Суда по правам человека**¹⁷ (выделено нами Авт.).

По нашему мнению, ст. 30 Конвенции, устанавливающая необходимость рассмотрения дела Большой Палатой, если решение вопроса может войти в противоречие с ранее вынесенным Судом постановлением, указывает на возможность изменения ранее высказанной Судом позиции по конкретному вопросу либо условиям оценки наличия или отсутствия нарушений положений Конвенции публичными властями отдельно взятого государства. Именно диспозиция указанной нормы санкционирует (наделяет признаком легитимности и обязательности) логико-правовое обоснование конечного вывода Суда, содержащегося в резолютивной части постановления и сформулированное в виде правовых умозаключений, установок, позиций. Положения ст.30 Конвенции, предусматривая, по сути, особый порядок изменения правовой позиции, призваны обеспечить устойчивость и стабильность правопонимания положений Конвенции и Протоколов к ней. Как справедливо замечает, Е.С. Алисиевич, деятельность Европейского Суда, связанная с толкованием положений Конвенции и Протоколов к ней, способствует универсализации правовых стандартов в области прав человека, выработке единых подходов национальных судебных органов к определению содержания и объема прав и свобод человека¹⁸.

В этой связи представляется важным то, что, во-первых, правовая позиция ЕСПЧ, хотя и не существует вне формы судебного акта, однако

сама по себе не отождествляется с судебным постановлением (рассматривается как отличный от него феномен); во-вторых, правовая позиция представляет собой систему аргументации, проводимая в обоснование итогового вывода Европейского Суда, в-третьих, предполагается истинность суждений, содержащихся в ней (в данном случае идет речь о презумпции истинности правовой позиции ЕСПЧ).

Исследование юридической техники отсылок Европейского Суда по правам человека на ранее состоявшиеся решения позволяют сделать вывод о том, что в его судебных постановлениях может формулироваться не одна, а несколько правовых позиций; правовые позиции ЕСПЧ являются обязательными при рассмотрении иных дел; единый ряд правовых позиций позволяет Суду выносить согласованные между собой решения (происходит так называемая «универсализация» позиций); изменение Судом своей правовой позиции не влечет отмены ранее принятого решения; оно сохраняет силу, однако сформулированная в нем правовая позиция не может более восприниматься в качестве обязательной при рассмотрении аналогичных вопросов в будущем.

С нашей точки зрения, правовые позиции Европейского Суда по правам человека имеют самостоятельное в сравнении с судебными постановлениями значение и обладают признаком обязательности для государств, ратифицировавших Конвенцию, вне зависимости от того, являлось ли оно стороной разрешенного спора или нет.

Приведенные рассуждения относительно статуса постановлений, вынесенных ЕСПЧ против третьих стран, безусловно, не являются бесспорными. Напротив, должны стать предметом комплексного теоретического исследования и всестороннего обсуждения в кругах научной общественности. Ведь, где, как не в споре, рождается истина.

¹⁷ См. напр.: Бондарь Н.С. Конвенциональная юрисдикция Европейского Суда по правам человека в соотношении с компетенцией Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2006. №6; Анишина В.И. Влияние решений Европейского Суда по правам человека на российское правосудие // Международное публичное и частное право. 2007. № 3; Абдрашитова А.Р. Прецедентный характер решений Европейского Суда по правам человека // Журнал российского права. 2007. №9; Лазарев В.В., Мурашова Е.Н. Место решений Европейского Суда по правам человека в национальной правовой системе // Журнал российского права. 2007. №9; и др.

¹⁸ Алисиевич Е.С. Толкование норм Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод как правомочие Европейского Суда по правам человека / Дисс. к.ю.н. М., 2006. С. 120. Однако на предшествующих страницах исследования, автор замечает, что чрезмерно активная деятельность ЕСПЧ по толкованию положений Конвенции порой не отвечает целям эффективной защиты прав и свобод личности.